

ВДОВА СОЛДАТА

Они живут среди нас, эти немолодые женщины. Кто работает, а кто уже на пенсии. В День Победы они накидывают на головы чёрные платки и вспоминают своих молодых мужей. Да, прошло много времени, а их мужья молоды до сих пор. Они пали за Родину, не дожив до старости. И в памяти они— вечно молоды...

Десять лет тому назад, когда мы отмечали 20-летие Победы советского народа над фашизмом, пожилая соседка вдруг спросила:

– Почему же это все почести – только им павшим, мёртвым? Ведь они уже не почувствуют. А нас, вдов, давно позабыли.

Проводив на войну своих мужей, – русские женщины брались за «мужские» дела. Они делали снаряды и танки, выращивали хлеб, берегли детей. А если волею судьбы оказались на временно захваченной врагом территории – боролись. Не всегда с оружием в руках, не все совершили подвиги, известные ныне народу. Но в те дни любое сопротивление было смертельно опасно, связано с риском для жизни.

Коммунист Александр Федосеевич Цацорин, председатель Кривошеевского сельпо, ушёл на фронт в первые дни войны. И с того времени жена его больше не видела. Были письма. А сохранила Марфа Андреевна только одно, последнее, отправленное с фронта 9 марта 1942 года.

Пожелтевший треугольник со штемпелем полевой почты и военной цензуры. Обычное крестьянское письмо. «Здравствуйте, уважаемая Марфа Андреевна. С приветом к Вам муж Александр Федосеевич...» А рядом: «Золотце, Мусичка!», забота о весне: есть ли чем засеять огород, чем кормить корову, как рассчиталась жена с государством, есть ли в колхозе лошади... Может быть, и еще были посланы письма в Кривошеевку. Но не дошли. Летом гитлеровская военная машина двинула свою армаду на Восток, и Скороднянский район, вся Курская область были оккупированы.

Враги очень интересовались семьями коммунистов. Поэтому дом Цацориных был разграблен в первую очередь. Забрали корову, перестреляли кур, порылись в домашнем скарбе. А Марфе, когда она пыталась протестовать, показали на большую липу:

– Вон, на той ветке и повесим! Коммунистка!...

И к стенке ставили. Только, видно, для «займы» – стреляли мимо...

В ИЮНЕ 1943 года по селам распространился слух, что недалеко, в Короче, есть лагерь; в котором наши, военнопленные. И женщины всполошились. Там не кормят, раненых не лечат...

А вдруг там свои и решили Марфа Андреевна и её соседка Евгения Павловна Лиманская отправиться в Корочу. Пошли напрямик, по шляху.

На выгоне возле Корочи в самом деле расположился лагерь, вернее, на ровном месте поставлена изгородь из колючей проволоки в два ряда–вот и все. Внутри на голой земле–люди: и раненые, и больные, и здоровые вперемешку. Жара, солнце палит, а там даже навеса нет. Трава вся вытоптана.

Бросились женщины к охранникам: пустите, мол, тут родные у нас. Не пускают, еще и оружием пригрозили. Обошли кругом, хотели через проволоку перебраться – стрелять по ним стали.

А пленные видят. Кричат что-то, просят есть, пить. Раненые стонут.

Дождались женщины, пока стемнело.

И под колючей изгородью пробрались таки в лагерь. Стали своих спрашивать, не знает ли кто, не видел ли. Марфа мужа искала, а Евгения Павловна и мужа, и сына. Но так и не нашли. Зато отыскались знакомые, соседи. Снедь, что с собой принесли, сразу раздали. А тут – раненые. Пить просят. Так пришлось за ночь несколько «рейсов» к речке сделать, несколько раз под проволоку лазить. Перевязывали раны.

Так и прожили несколько дней возле Корочи. Днём отсыпались и добывали пищу, а ночью забирались в лагерь. Однако всем помочь не могли, больше десяти тысяч там было...

ЗАДУМАЛИ женщины спасти хотя бы двух-трех. И пошли к лагерному начальству просить. И на коленях ползали, и приказы его выполняли: полы мыли, туалеты чистили.

– Ну, если не врите, – сказал комендант, – берите своих, родных.

Марфа давно знала учителя, коммуниста, он еще заведовал РАЙОНО в Скородном, Петра Лукьяновича Колодезного. Вот и назвала его своим мужем. А соседа Николая Никифоровича Демченко – братом.

– Не много ли для тебя будет – двоих! — сказали в комендатуре.

Стала снова плакать, просить. Обещала, что воевать их больше не пустит.

Смилостивились, отпустили. Лиманская тоже вывела двоих знакомых.

А в лагере оставшиеся плачут, просят и их спасти, накормить, воды принести...

Проводила она новых своих родственников и обратно к лагерю. Только не удалось больше никому помочь. Узнали охранники, прогнали, даже стреляли вслед.

Вернулась домой Марфа. А её ищут.

— Где скрывалась, коммунистка? Боялась она и ночевать в своей хате, к соседке ходила вместе не так страшно.

К ВЕСНЕ освободили Кривошеевку. И снова стала искать мужа Марфа. Но, возможно, адреса изменились или временно фронтовикам была переписка прекращена. Письма не приходили. Рядом большие сражения прошли, наши войска наступали дальше. А спасенные ею из лагеря снова ушли на фронт.

И только поздней осенью пришло извещение: «Ваш муж... в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявил героизм и мужество, был ранен и умер от ран. Похоронен; Киевская обл., Переславский р-н, д. Нашагайловка.»

Поплакала и по совету добрых людей написала в часть, чтобы узнать, как погиб, не осталось ли каких документов. Только в феврале пришло еще одно фронтовое письмо. Лида Королева из санроты сообщала, что нашла

Марфино письмо в документах убитого командира Савельева. На обороте карандашом был набросан ответ. А само письмо – в пятнах крови. Лида переслала ответ и написала от себя несколько тёплых слов. Из него узнала Марфа Андреевна, что в деревне Иваньково подорвался на противотанковой мине Александр Федосеевич и умер в госпитале...

ТАК и хранит вдова солдата три письма вот уже больше тридцати лет. Трудилась после войны в колхозе, потом в городе. Но стажа для пенсии ни там, ни тут не набралось. И теперь получает она пенсию за погибшего мужа.

В день 30-летнего юбилея Великой Победы снова накинута она чёрный платок. И это был траур не только по родному человеку, но и по миллионам павших за Родину.

Ю. Купалов

Купалов Ю. Вдова солдата / Ю. Купалов // Знамя Ильича. – 1975. – 3 июня.